

НОВАЯ ВОЛНА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СМЕЖНЫЕ МИР-СИСТЕМНЫЕ ЗОНЫ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье рассматриваются революционные события в афразийской макроне нестабильности в 2018–2021 гг. в их связи с предшествующей волной революционных событий, Арабской весной, эхо которых в зоне Сахеля было слышно еще в 2016–2019 гг., а где-то оно отзывается и по сегодня. Показывается связь новейших событий на Ближнем Востоке и в Африке с общемировой волной революционных событий, начавшейся в 2018 г. Исследуются в связи с предшествующей волной и в сравнении с ее влиянием влияние новых событий на смежные с афразийской мир-системные зоны и Мир-Систему в целом. Показывается, что события последних лет в афразийской макроне нестабильности продолжают процесс реконфигурации Мир-Системы в рамках трансформации мирового порядка. Следует отметить несколько аспектов влияния этих революционных событий на Мир-Систему и ее части. Во-первых, они ослабляют центр Мир-Системы, в частности особенно сильно на позиции США и их союзников повлияла победа талибов в Афганистане. Во-вторых, Ближний и Средний Восток все более остаются предоставленными самим себе в связи с планируемым и вынужденным уходом оттуда США, поисками новых векторов в внешней политике. А революционные события этому способствуют. В-третьих, продолжает быть весьма заметным радикальное исламистское влияние, как в связи с победой талибов, так и дальнейшей экспансией остатков революционеров-террористов Ислам-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ского государства в страны Сахеля и далее в другие страны Африки. Фактически надо говорить о том, что на Юге с африканской макрозонной нестабильности граничит особая зона нестабильности, которую можно назвать Африканской. Последняя расширяется вместе с активизацией радикализма и может существенно расширяться в будущем за счет пока еще не затронутых ей стран Африки. В-четвертых, рост опасности исламского революционно-террористического радикализма ставит задачу (которая кое-где начинает решаться) укрепления государственности в странах Тропической Африки, а также требует более активной и массовой помощи со стороны развитых стран.

Введение

В своем анализе темы мы исходим из того, что революционный процесс никогда не происходит изолированно. Он всегда есть, с одной стороны, часть более широкого турбулентного процесса, иногда занимая в нем центральное, а иногда периферийное место. Кроме того, вместе новой волной революционных процессов могут продолжаться (как в нашем случае) процессы прежних революционных событий, которые сливаются с новыми и влияют на них. При этом революционный процесс, особенно революционные волны, обычно требуют каких-то серьезных мир-системных импульсов (вроде экономического кризиса, повышения цен на продовольствие и т. п.), которые сами по себе есть часть дестабилизационного процесса. Таким образом, с одной стороны, революционный процесс влияет на процессы в Мир-Системе (что и является аспектом нашей темы), но с другой стороны, он есть порождение мир-системных процессов и их часть. Вот почему особенности революционных процессов определенных периодов надо искать не только в историко-культурных особенностях обществ, но и в общих чертах мир-системного момента и актуального процесса.

В современной Мир-Системе можно выделить целый ряд крупных зон нестабильности. Четыре из них составляют Африканскую макрозону нестабильности (см. подробнее: Коротаев и др. 2015; Коротаев, Гринин и др. 2021). Эта макрозона, в частности, включает Ближний Восток (с Закавказьем), Северную Африку, зону Центральной Азии (включая Пакистан), а также «Макросахель».

О волнах революционных событий XXI столетия и революционном процессе в Афразийской макроразоне нестабильности

На основе сформулированных нами критериев и новый подход к выделению волн революций нами выделено три волны революционных событий в XXI столетии¹.

На этой основе в XXI веке нами было выделено три волны. Первая волна – «цветные» революции 2000–2009 гг. Вторая волна – Арабская весна и ее глобальное эхо, 2010/2011–2013. Третья волна – 2018 – настоящее время, незавершенная. Все волны в своем происхождении были связаны с очень мощными мир-системными событиями. При этом первая волна прошла на позитивном экономическом и политическом фоне, вторая – на негативном экономическом, а третья – на негативном экономическом и внешнеполитическом фоне. Все три волны были связаны с более или менее сильными внешними влияниями. Но в этом влиянии можно выделить три основных направления. Первое – попытки демократизации через различные структуры, контролируемые Западными странами. Это было особенно заметно в первую волну, но прослеживается также во второй и третьей. Второе – геополитическая борьба, в которой участвовали как западные, так и ближневосточные страны (страны-объекты воздействия: Ливия, Сирия, Йемен, Мали). Это проявилось в основном во время второй волны. Третье – экспорт исламистско-террористической революции из регионов Сирии и Ирака (прежде всего, в страны Тропической Африки, но также и в ряд стран Ближнего и Среднего Востока, таких, как Афганистан, Ливия). Это проявилось во время второй волны и продолжается в третьей.

Между второй и третьей волнами в течение пяти лет (2013–2017 гг.) также наблюдается достаточная революционная активность в мире, но без явных волн. Однако сразу же стоит отметить, что в зоне Сахеля и некоторых странах Ближнего Востока в это

¹ Этот подход включает следующие критерии: 1) реальную связанность событий в рамках Мир-Системы общими факторами; 2) количество революций не должно быть меньше 4–5; 3) временной интервал революционных событий, не более 10 лет между началом первого и началом последнего события; 4) в один хронологический период может быть одна волна. См. Гринин Л., Гринин А. 2020; Goldstone *et al.* 2021; Grinin L., Grinin A. 2022.

время продолжалась еще вторая волна. И возникла линия исламистских революций и восстаний 2013–2016 годов (ИГИЛ, Бoko Харамв Нигерии, восстание радикальных исламистов АКАП в Йемене и т. д. [см., например: Korotayev, Shishkina *et al.* 2021; Filin, Fahmy *et al.* 2021; Гринин 2020г; 2020e]).

Остановимся на указанных волнах революций. Первая волна начинается в последний год XX века – 2000 – с революции 2000–2001 гг. на Филиппинах и Бульдозерной революции в Сербии/Югославии. Волна включает в себя революции и революционные события в Грузии, на Мальдивах и Украине, в Ливане, Киргизии, Мьянме, Иране, Молдове. Реже к ним добавляют события в Африке, но для нашей темы важно учитывать революционные события в Африке к югу от Сахары в 2000-х гг., в частности, это Сенегал – 2000 г., Мадагаскар – 2001–2002 гг., Того – 2005 г., Гвинея – 2007–2010 гг. и т. д.

Вторая волна: Арабская весна и ее эхо, 2010/2011–2013 гг. В отличие от предыдущей волны, в конце 2000-х гг. мировая экономика находилась в кризисе; при этом имел место небывалый рост цен на продовольствие (агфляция), сыгравший особую роль в качестве триггера революционных событий на Ближнем Востоке. Для нашей темы особенно важно, что центр революционной активности находился в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, но при этом революционная волна охватила многие страны за пределами этого региона. Помимо революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке волна включала ряд революционных событий в других частях мира, в том числе революционные движения без революций в передовых западных странах (Occupy Wall Street, Indignados и т. д.).

Основными чертами этой волны были: 1) быстрое распространение революций из страны в страну; 2) сильное культурное и языковое единство центрального региона волны и особая роль религиозно-этноконфессионального фактора; 3) особая роль образованной молодежи.

Важным событием на Ближнем Востоке стало возникновение Исламского государства в северных районах Сирии и Ирака, влияние которого стало распространяться далеко за пределами этого региона. В результате разгрома ИГ революционеры-террористы из него мигрировали в страны Африки, где нашли благодатную почву

среди местного исламского населения, особенно молодежи. Это создало революционно-террористическую дестабилизацию в целом ряде районов стран Сахеля и Восточной Африки (см.: Гринин 2020e). Как уже сказано, фактически в этих регионах вторая волна слилась с третьей. В настоящий момент фактически создана глобальная революционно-террористическая сеть радикалов, присягнувших ИГ.

Третья волна (2018 г. – настоящее время) включает революции, революционные эпизоды и революционные движения без революций в Армении (2018 г.), Судане (2018–2019 гг.), Боливии (2019 г.), Алжире (2019 г.), Гонконге (2019–2020 г.), Чили (2019 г.), Кыргызстане (2020 г.), Ираке (2019 г.), Ливане (2019 г.), Иране (2019 г.), США (штурм Капитолия в 2021 г.), Франции (Желтые жилеты, 2018–2020 гг.), Беларуси (2020–2021 гг.), Мьянме (2021 г.), Сомали (2020–2021 гг.), Эфиопии (2020–2021, в Тыграе), США, 2021, Мали (2021), Гаити, 2021, Колумбия, 2021, Палестина, 2021, Чад, 2021.

Таким образом, из третьей волны к событиям в Африканской макроне нестабильности относятся: революции в Судане, Алжире, Мали, Сомали, Эфиопии (неудавшаяся), Киргизии; революционные движения без революции в Ливане, Ираке; революционные эпизоды в Иране, Палестине, Чаде; а также протесты в Марокко, Тунисе, Египте, Иордании, Нигере (квазиреволюционный эпизод)².

На мир-системном уровне эта волна была связана с новым ухудшением ситуации в мировой экономике наряду с большей концентрацией богатства и большим неравенством, что во многих случаях это приводило к снижению уровня жизни, росту цен и другим явлениям, которые связывают эту волну с предыдущей. В 2020 г. добавляется COVID, что значительно ухудшает экономическую и социальную ситуацию (в частности, пандемия сыграла свою роль в революции в Киргизии и Мали).

Для этой волны характерны следующие особенности: 1) широкий спектр революционных событий; 2) разнообразие причин революций на общей базе, связанной с ухудшением не только в экономическом, но и во внешнеполитическом и международном плане; 4) соответственно, рост таких форм революционных событий, как революционные движения без революций.

² К этому надо добавить продолжающуюся смуту в Ливии, гражданскую войну в Сирии, Йемене, Афганистан.

Таким образом, новая группа революционных событий в Афразийской макроне нестабильности есть часть третьей революционной волны XXI столетия в Мир-Системе, которая началась в 2018 г. и продолжается в настоящее время.

Соответственно, основные черты третьей волны, указанные выше, в той или иной степени проявляются и в событиях на Ближнем Востоке и в макросахеле.

В этой связи можно выделить две четкие линии революционного процесса последних лет. Первая: секуляристская, которая в целом идет в унисон с мировой линией: недовольство правительствами, антиклерикальные выступления, общее желание перемен, требование демократизация, социальной политики и т. п. в то же время не всегда проявляется явное стремление свергнуть режимы (пример Ливана тут характерен). Вторая линия – исламистская радикальная, террористическая, особенно в странах Африки, где террористическая деятельность приобретает характер революционно-партизанской борьбы.

Исламистская линия, разумеется, характеризует особость причин некоторых революций в Афразийской макроне в последние годы по сравнению с общими причинами третьей волны революций. Кроме того, особыми причинами для революционных событий в Афразийской макроне являются нерешенность проблем, которые вызвали Арабскую весну (это касается Египта, Ирака, в известной мере Ливана, Палестины), попадание в революционные ловушки некоторых стран (например, Киргизии), продолжающийся процесс увеличения зрелости государственности (примеры – Судан, Алжир или Мали, о последней см.: Коротчаев и др. 2021 в этом выпуске), а также изменение геополитической ситуации, о чем мы скажем в третьем разделе.

О революции и реконфигурация Мир-Системы

Начиная с 2009 г. мы исследовали процессы изменения Мир-Системы в связи с начавшейся Арабской весной и пришли к выводу, что в последующие декады международная система начнет трансформироваться быстрее и более значительно. Иными словами, мы входим в период поиска новых структурных и системных изменений в рамках Мир-Системы. Мы также пришли к выводу, что бурные события Арабской весны можно рассматривать как

начало глобальной реконфигурации Мир-Системы, которая в итоге приведет к радикальным переменам в ней. Основная причина этой реконфигурации, как мы показали, связана с заметным отставанием политической составляющей глобализации от ее экономической составляющей. Однако это будет достаточно длинный и беспокойный период (Grinin, Korotayev 2010: 173; см. также: Гринин 2009; 2012a; 2012б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2011; 2012a; 2012b; 2016; Grinin *et al.* 2017). Мы также сделали вывод, что среди революционных волн есть такие, которые имеют дополнительные важные мир-системные причины для возникновения. К таким волнам, по нашему мнению, и относится волна Арабской весны (Гринин 2012a; см. также: Beck 2014). При этом мы основываемся на собственной теории периодического подтягивания политической составляющей Мир-Системы, которая отстает от ее экономической составляющей, к последней. Такое подтягивание осуществляется, но оказывается сложным и турбулентным. Революции в этом случае оказываются частью широкого и конфликтного процесса подтягивания политического компонента Мир-Системы к ее экономическому компоненту. Арабская весна, следовательно, рассматривается нами как период резких потрясений (еще далеко не завершённый), открывший мир-системный процесс реконфигурации. Она также становится предвестником грядущих серьезных структурных трансформаций мира (см.: Там же; см. также: Гринин 2016; Grinin, Korotayev, Tausch 2019).

Мы указывали также, что революционный процесс будущего может быть связан с общими процессами дестабилизации в различных частях Мир-Системы, и в частности, в Афроевразийской зоне нестабильности, исходя из того, что революционный процесс никогда не происходит изолированно, он всегда есть более или менее важная часть более широкого турбулентного процесса.

Итак, политические отношения часто не успевают за экономическим ростом. Между тем быстрое экономическое развитие, так или иначе, требует своего рода подтягивания политической системы до соответствующего уровня. В противном случае внутренние напряжения и противоречия в обществе усиливаются. И чем сильнее они ощущаются, тем больше вероятность возникновения революционных кризисов. Однако изменению политических и социальных институтов во многих обществах препятствуют их жесткость,

а также интересы элиты. Такую ситуацию сильного разрыва между уровнем технологического и экономического развития, с одной стороны, и отсталостью политической системы – с другой, можно обнаружить во многих обществах в период нарастания революционного кризиса. Такое отставание одного вектора от другого ведет к появлению разного рода диспропорций, способствующих укреплению оппозиции, росту протестов и революционных идеологий. По мере развития процессов глобализации такой разрыв между экономическим развитием (глобализацией) и институциональными изменениями на уровне международных отношений и мирового порядка (политической глобализацией) становится заметным в целом в рамках Мир-Системы. И это, по нашему мнению, становится источником внутреннего кризиса в Мир-Системе и значительных изменений в ней.

К 2010-м гг. экономическая и финансовая глобализация сильно продвинулась в своем развитии по сравнению с международным правом и политической глобализацией. Иными словами, в рамках глобализации политический процесс заметно отставал от экономического. Но отставание в развитии одного компонента от другого не может быть бесконечны, и когда разрыв становится слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. В этой ситуации развитие экономики должно было замедлиться, что и случилось в результате кризиса 2008 г. И важно понимать, что отставание социального и политического компонентов от экономического и было одной из важнейших причин этого (как и последующего) кризиса (Гринин, Коротаев, Цирель 2011). Это стало ясно не сразу, однако в связи с другими причинами (в частности, с динамикой длинных кондратьевских циклов [см., например: Grinin L., Grinin A. 2014; Grinin, Grinin, Korotayev 2017]) дало нам основу для прогноза о том, что в следующие 15–20 лет мировая экономика будет развиваться медленнее, чем в предшествующие годы (Grinin, Korotayev 2010: 172–174; см. также: Гринин 2009; 2012б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2012б; 2015; Grinin, Korotayev, Tausch 2016).

В то время как экономическое развитие и глобализация будут замедляться, политическая трансформация Мир-Системы усилится. В условиях реконфигурации Мир-Системы «разломы» в ней начнутся в наиболее неустойчивых и слабых местах, причем, как

правило, эти районы являются местом противостояния различных интересов и векторов силы. Отсюда можно сделать вывод, что процессы реконфигурации в афразийской мак-розоны неустойчивости не могут не продолжаться.

Как уже сказано, мы предположили, что события Арабской весны с конца 2010 г. начали процесс реконфигурации Мир-Системы. События, произошедшие в последующем на Ближнем и Среднем Востоке, на Украине, а также на Дальнем Востоке (Гринин 2014), все больше подтверждали, что реконфигурация Мир-Системы началась и идет довольно активно.

Для настоящего исследования крайне важно, что, если процесс реконфигурации Мир-Системы начался в 2010–2011 гг. событиями Арабской весны, и центральные события этой революционной волны происходили на Ближнем и Среднем Востоке, то в процессе третьей революционной волны ситуация существенно изменилась.

Дело в том, что процесс реконфигурации Мир-Системы, начиная с 2016 года, стал переходить в ее центр³. Он в значительной степени затронул США и Европу, где в настоящем периоде и происходят, по-видимому, главные события процесса реконфигурации. И это неизбежно, по-разному, но существенно и заметно, будет отражаться на судьбах обществ афразийской макророзоны неустойчивости⁴.

³ Мы видели и видим неожиданные повороты в Великобритании, которая выходит из Европейского союза, в Испании, например в связи с событиями в Каталонии, во Франции, которую потрясли протесты «желтых жилетов», в США начиная с прихода к власти Д. Трампа и до непрекращающихся волнений чернокожего населения и сочувствующих им белых. Все это и другое – элементы указанной реконфигурации. Наконец, коронавирусная пандемия 2020 г. стала даже полностью глобальным событием, которое вносит и внесет очень серьезный вклад в разрушение старого мирового порядка. И нынешний временный отказ от базовых прав граждан, закрытие границ, бесконтрольное использование искусственного интеллекта и т. п. в совокупности с экономическими трудностями даст толчок для существенных изменений в дальнейшем. В результате процесс реконфигурации Мир-Системы усилится.

⁴ Исходя из сказанного, можно выделить две взаимосвязанные системы глобальных векторов развития – ослабление центра Мир-Системы, то есть США и Запада, и одновременное усиление позиций целого ряда периферийных стран, в целом усиление развивающихся стран в мировой экономике и политике. Эти два противоположных вектора, тем не менее, вместе составляют единый процесс, названный нами Великой конвергенцией (Grinin, Korotayev 2014; 2015).

В результате главные революционные события третьей революционной волны с 2018 г. происходили в разных местах Мир-Системы, особенно знаковым стали противостояния в США в 2020 – начале 2021 г. События в Афразийской макроне нестабильности, следовательно, уже нельзя считать ведущими в третьей революционной волне. Они продолжают процесс реконфигурации Мир-Системы, но уже как часть общемирового революционного процесса.

Подтягивание политической составляющей к экономической в принципе означает переход к новому мировому порядку. Но такой переход будет идти в течение довольно длительного времени. И важно понимать, что его начальной фазой является ослабление, расшатывание и/или разрушение старого порядка (а формирование нового порядка – это следующая фаза). Следовательно, в отношении ближайшего будущего речь идет о весьма конфликтном, нестабильном и турбулентном периоде, осложненном, как уже сказано, депрессивным экономическим развитием. Любое политическое изменение, которое происходит в национальном или региональном масштабе, даже любое заметное социально-политическое действие, которое ведет к дестабилизации или ее угрозе, тем более революция, в принципе ведут к усилению кризисных явлений в мире. Как показывают исследования, возможность революций и их победы во многом зависит от того, насколько благоприятен для них международный контекст (см., например: Goldfrank 1979; Goodwin, Skocpol 1989; Wickham-Crowley 1992). Мы полагаем, что в целом процесс реконфигурации Мир-Системы для будущих революций скорее будет благоприятным, чем негативным.

О влияния революционных событий в Афразийской макроне нестабильности на Мир-Систему

Революции или иные проявления нестабильности так или иначе влияют на близких соседей, а нередко и на страны, находящиеся далеко от зоны событий. Так, продолжающаяся гражданская война в Сирии, нестабильность в Ираке и добавившаяся волна беженцев из Афганистана оказалась геополитическим оружием и проблемой в отношениях между Белоруссией (также испытавшей неудавшуюся революцию в 2020–2021 гг.) и Европой. Как известно, мигранты из указанных и иных стран пытаются пройти через Белоруссию в

Польшу, Литву и оттуда в другие страны ЕС. Наплыв беженцев из Афганистана ощущают, естественно, США, но и ряд других стран. Проблема беженцев в связи с исламистским террором очень актуальна и болезненна в странах Сахеля и за его пределами в Африке (см. Гринин 2020а; 2020б; 2020в; 2020г; 2020е). В частности, в зоне террористических атак в странах Сахеля живут 20 млн человек, что создает серьезные гуманитарные проблемы и основания для дестабилизации. По данным Секретариата ООН, в Буркина-Фасо с января по ноябрь 2019 г. было совершено 488 террористических атак против 150 в 2018 г., в Нигере – 118 против 69. В 2019 г. в результате террористических операций в Мали погибли 1507 человек, в Буркина-Фасо – 918, в Нигере – 404. Численность перемещенных лиц достигает 1 млн человек (ООН 2019: 2/26; Корендясов 2020). Все это делает эти страны зоной внимания и геополитических интересов крупных стран, включая Китай, США, Россию, Францию, ЕС и другие. Но влияние этого радикализма распространяется и далеко за пределы зоны «макросахеля». Так, сотни тысяч беженцев покинули Кабу-Делгаду, провинцию на северо-востоке Мозамбика, в начале 2021 г. в результате нападения радикалов на город Пальма, в том числе десятки тысяч бежали в соседнюю Танзанию (Фокина 2021; Волков 2021). В городе террористы провели массовые казни.

Основными революциями (наиболее важными событиями) с 2018 г. можно считать: революции в Судане, Алжире, Мали, Киргизии и особенно победу Талибана. Но, как уже сказано в разделе 2, каждое революционное событие вносит свой вклад в раскачивание мирового порядка, и в целом события последних лет в афразийской макроне нестабильности продолжают процесс реконфигурации Мир-Системы в рамках трансформации мирового порядка. Следует отметить несколько аспектов влияния этих революционных событий на Мир-Систему и ее части.

Во-первых, можно говорить о геополитических последствиях. Они ослабляют центр Мир-Системы. В частности, особенно сильно повлияла победа талибов в Афганистане на позиции США и их союзников в сторону ослабления, падения доверия к США, которые вновь предали своих союзников в стране. В Афганистане с конца 1970-х гг. наступила длительная полоса революций, гражданских

войн, интервенций, фактической децентрализации страны и т. п. бедствий. Это была даже не революционная эпоха, а существенно более тяжелая в плане бедствий и разрухи эпоха смут и революций, которая, к сожалению, все еще продолжается⁵. Начавшись с революции по типу социальной (с первоначальными претензиями на социалистический тип), она затем превратилась в религиозную. В связи с понятиями революционная эпоха и эпоха смут и революций важно иметь в виду, что революционные события, которые происходят в их ходе, нужно характеризовать как связанные, а революционные события, случившиеся в другие периоды, – как самостоятельные. В этом смысле победа Талибана не является органической частью третьей революционной волны (как и никакой другой волны). Но она придала третьей волне и событиям в Афразийской макроне очень значимый мир-системный резонанс.

Поражение США в Афганистане, причем поражение позорное, рассыпание, как картонный домик, режима, который они укрепляли в течение 20 лет, а) ослабило влияние США на Ближнем и Среднем Востоке и в целом в мире; б) продемонстрировало, что в последние десятилетия США легко предают своих союзников, которые полагались на них (а в Афганистане таких преданных миллионы людей); в) укрепили позиции исламских фундаменталистов не только в Афганистане, но и во всем исламском мире. Это также усилило опасения соседних стран, включая Россию, что теперь через афганскую границу будут просачиваться всякие нежелательные элементы и грузы, осуществляться опасные влияния. Кроме того, усиливается геополитическая борьба за влияние в Афганистане крупных держав, включая Китай. Наконец, поражение в Афганистане усилило раскол в американском обществе (и даже в демокра-

⁵ **Революционная эпоха** – длительная полоса перемен, в которой происходят революции, революционные изменения, контрреволюции, различные революционные эпизоды, которые связаны с борьбой различных политических и социальных сил за политический/социальный курс, власть и прочее.

Эпохи смут и революций – период после революций, когда старый порядок исчез, а новый в рамках всей страны не устанавливается; идут бесконечные гражданские войны; в стране надолго теряется централизация, значение центральной власти резко падает либо она вовсе распадается на ряд территорий, государств или политий, ни одна из которых не имеет силы, чтобы стать победительницей и объединить страну. Характеристики революционной эпохи и эпохи смут и революций описаны в: Grinin L., Grinin A. 2022.

тической партии) и общий кризис там, что, несомненно, отзовется в мире самыми разными способами. Поражение в Афганистане может определенное время сдерживать агрессивные стремления американских ястребов. В самом Афганистане, с одной стороны, конечно, будет (и уже идет) культурно-правовой откат в плане роли и положения женщин, светского образования и т. п. Но с другой – возможно, страна обретет определенный покой, насколько это вообще возможно при данном режиме.

Наконец, победа Талибана усилило соперничество среди исламских радикальных сил, в частности между остатками ИГИЛ, представляющих крайних радикалов, и талибов как умеренных радикалов. Столкновение между двумя направлениями крайнего радикализма (Ал-Каидой и ИГИЛ) идут в странах Африки уже с 2013 года особенно усилившись в 2014–2018 гг.

Во-вторых, Ближний и Средний Восток все более остаются предоставленными самим себе в связи с планируемым и вынужденным уходом оттуда США (и указанным поражением в Афганистане) и ослаблением американской поддержки Израиля, поисками новых векторов во внешней политике. А революционные события этому способствуют. Все это ведет к усилению независимости стран Ближнего и Среднего Востока от США⁶. В целом в последние несколько лет влияние глобальной и региональной геополитики на процессы дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке сильно возросло, а ситуация нестабильности стала принимать перманентный характер. Создавшийся в результате ухода США с Ближнего Востока вакуум внешнего воздействия заполняется другими игроками: Россией, Турцией, Саудовской Аравией, Ираном. Повторим, что вакуум повлиял и на революционный процесс, и в свою очередь, способствует ослаблению позиций США. Мы предполагаем, что этот фактор дестабилизации будет длительным и почти непрерывным.

В-третьих, продолжает быть весьма заметным радикальное исламистское влияние, как в связи с победой талибов, так и дальней-

⁶ Хотя исключить полностью прямое или косвенное влияние США на революционные события, скажем, в Судане, никак нельзя. Американцы очень не любили ал-Башара, бывшего президента Судана, вводили против его режима санкции за поддержку террористов, постоянно подстрекали сепаратистов в Южном Судане и Дарфуре против центральной власти.

шей экспансией остатков революционеров-террористов Исламского государства в страны Сахеля и далее в другие страны Африки. Любой подъем исламизма может оказать влияние на регионы в Индии и Китае, где мусульмане являются меньшинством и чувствуют себя ущемленными. В Индии живет огромное число мусульман, при этом есть такие пограничные с Пакистаном штаты как Дажмму и Кашмир, где мусульмане являются абсолютным большинством. Это создает очаги нестабильности. В Китае большое количество мусульман проживает в Синьцзян-Уйгурский автономном районе, где западные страны давно мечтают совершить революцию. И она может случиться, если Китай когда-либо отпустит вожжи (см. подробнее: Гринин 2020e).

Но наиболее важным, как по силе, так и в плане долгосрочности является влияние радикального исламизма на Африку южнее Сахеля.

Феномен исламского возрождения и повсеместного распространения исламизма, сам по себе создает важную основу для дестабилизации, поскольку он порождает в качестве своего крайнего крыла радикализм. В зоне Сахеля и за его пределами исламизм в основном еще неразвит. В результате эти общества оказались, с одной стороны, восприимчивы к радикализму и терроризму, поскольку радикалы из стран Ближнего Востока и Северной Африки достаточно легко вербуют здесь сторонников и добровольцев, а с другой – эти страны (из-за отсутствия опыта, недостаточного уровня развития государственного аппарата, быстро растущего населения, включая городское, и других причин) во многом оказались беспомощными против террористов. В результате некоторые из них становятся базами для распространения террора. Поэтому ряд стран, как, например, Мали и Нигер, нуждаются во внешней помощи против терроризма. Радикалы активно действуют во многих странах за пределами Сахеля. Так, 2016 г. (на основе сомалийской «Аш-Шабаб») была создана новая террористическая организация с весьма характерным названием «Исламское государство Сомали, Кении, Танзании и Уганды» (ИГСКТУ), известное как «Jahba East Africa». Помимо указанных стран Восточной Африки радикалы действуют в Мозамбике, ДРК и других странах. Таким образом, за пределами Сахеля фактически в результате деятельности радикалов создается Африканская зону нестабильности, которая начинает

сливаться с Афразийской. Первая может и, вероятно, будет существенно расширяться. Зараза террористического революционизма с исламской спецификой быстро передается. Характерный факт. Как выше указывалось, после захвата и сожжения города Пальма в Мозамбике, десятки тысяч мозамбикцев бежали в Танзанию. Однако пре-мьер-министр Мозамбика Карлуш Агостиньо ду Росариу призвал с осторожностью относиться к беженцам, так как они, по его словам, могут пытаться привлечь рекрутов в ряды ИГ (Фокина 2021). То есть, радикализм распространяется и через беженцев.

Таким образом, новая волна революционных событий не просто продолжает процесс реконфигурации Мир-Системы. Если ранее мы отмечали, что такой разлом в связи с Арабской весной шел в основном на Ближнем и Среднем Востоке, то теперь к нему все активнее присоединяется Тропическая Африка, и не только Сахель, но и страны к Югу от него. При этом если БВ подтягивается к уровню развитых стран (первая линия направлений революции), то в Тропической Африке, где уровень развития значительно ниже, идут процессы, скорее напоминающие Реформацию, или по крайней мере исламское возрождения 50-летней давности. Но так или иначе революционные события выводят многие страны (особенно из глубинки) из изоляции.

Отметим также, что рост опасности исламского революционно-террористического радикализма ставит задачу (которая кое-где начинает решаться) укрепления государственности в странах Тропической Африки, а также требует более активной и массовой помощи со стороны развитых стран. Мир нуждается в африканских полезных ископаемых, однако террористическая опасность сдерживает их развитие (как, впрочем, и в Афганистане). Так нападение на указанный г. Пальма в Мозамбике, по видимости, имело главной целью помешать строительству завода СПГ и развитию проекта Mozambique LNG, на который делает большую ставку правительство страны. Залежи газа были обнаружены на шельфе и в бассейне рек Ровума и Мозамбик в 2011 г., это привлекло в Мозамбик ведущие добывающие и сервисные компании, среди которых Total, ExxonMobile, Mitsui, Oil India и другие (Волков 2021).

Завершая статью, скажем, что так или иначе, Тропическая Африка (особенно с исламским населением) становится на долгий срок очень беспокойной территорией. Более того, мы прогнозиру-

ем, что эта зона нестабильности в Африке будет разрастаться, захватывая все новые страны. Африка, как можно предполагать, станет самой бурлящей зоной Мир-Системы. Это связано с тем, что по мере взросления общества и перехода к более зрелым отношениям в нем появляются идеология, социальные, национальные и политические силы и условия для определенных процессов, которые могут одновременно влиять на дестабилизацию. Имеются в виду следующие факторы: стремление к национальному государству, к демократии и социальной справедливости, желание получить свою долю благ и власти со стороны тех или иных элит, борьба за ресурсы и привилегии, усиление противоречий между регионами страны и мн. др. Все это может вести к внутренней конфронтации и в итоге к возможной дестабилизации. В странах Сахеля, ряде стран Ближнего и Среднего Востока, а также в приграничных с Африкской макроразнонностью странах продолжается модернизация. В результате в этих обществах формируется все более сложный конгломерат современного и архаичного во всех сферах производства и жизни. Черты архаики будут, конечно, уходить, но в течение долгого времени. И при быстрой модернизации возникает жесткий конфликт передового и архаичного, что является само по себе источником нестабильности. В то же время это ускорит работу по укреплению государственности, порядка и необходимого законодательства в африканских странах, внимание к этому континенту будет усиливаться.

Библиография

- Волков К. 2021.** В Мозамбике террористы захватили город, 35 тысяч человек стали беженцами. URL: <https://rg.ru/2021/03/29/v-mozambique-terroristy-zahvatili-gorod-35-tysiach-chelovek-stali-bezhencami.html>.
- Гринин Л. Е. 2009.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 3. *Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.

- Гринин Л. Е. 2014.** Риски модернизации и нестабильности в Афроевразии: история и современность. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 95–127.
- Гринин Л. Е. 2015.** Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 2–17.
- Гринин Л. Е. 2016.** Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире. *Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС: Предварительные результаты* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М: КРА-САНД. С. 246–276.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: в 2 ч.* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 694–724.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: в 2 ч.* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 666–693.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: в 2 ч.* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 181–199.
- Гринин Л. Е. 2020г.** Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: в 2 ч.* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 829–853.
- Гринин Л. Е. 2020д.** Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и афразийская макрзона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: в 2 ч.* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 146–180.

- Гринин Л. Е. 2020е.** Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: в 2 ч.* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 810–828.
- Гринин Л. Е. 2020ж.** Продолжающаяся реконфигурация Мир-Системы и возможные процессы дестабилизации в Афразийской макрзоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: в 2 ч.* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 7–16.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020.** Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.
- Корендясов Е. Н. 2020.** Сахель: джихадисты вновь наступают. Что делать? URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sahely-dzhihadistiv-novu-nastupayut-chto-delaty>.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Шишкина А. Р., Иванов Е. А., Мещерина К. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Медведев И. А., Романов Д. М. 2021.** Введение. Афразийская макрзона нестабильности как главный источник рисков дестабилизации в современной Мир-Системе. *Социально-политическая дестабилизация в странах Афразийской макрзоны нестабильности* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. М.: URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.
- Коротаев А. В., Лиокумович Я. Б., Хохлова А. А. 2021.** Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). *Системный мониторинг: Революционные процессы в афразийской макрзоне нестабильности и их глобальный контекст* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель (в печати).
- ООН 2019.** Совет Безопасности. Семьдесят четвертый год. Предварительный отчет. 8670-е заседание. Среда, 20 ноября 2019 г., 15 ч. 30 мин. Нью-Йорк. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.8670>.
- Фокина А. 2021.** Африканский халифат. Как «Исламское государство» стало франшизой и почему окончательно победить террористов не удастся? URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/09/isis_africa/.

- Beck C. J. 2014.** Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory and Society* 43: 197–223.
- Filin N., Fahmy S., Koklikov V. 2022.** Two Experiences of the Islamic “Revival”: The 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the Islamic State in Syria and Iraq in the 2010s. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_33.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. 2021.** Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer (in print).
- Grinin L. E. 2010.** Which Global Transformations would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization 2*: 31–52.
- Grinin L., Grinin A. 2014.** The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution. *Kondratieff Waves, Juglar – Kuznets – Kondratiev: Yearbook* / Ed. by L. Grinin, T. Devezas, A. Korotayev. Volgograd: “Uchitel” Publishing House. Pp. 354–378.
- Grinin L., Grinin A. 2022.** Revolutionary waves and lines of the 20th century. *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer (in print).
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. 2017.** Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting & Social Change* 115: 52–68. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.
- Grinin L., Korotayev A. 2010.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Grinin L., Korotayev A. 2012a.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2012b.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Global Scenarios. *Globalistics and Globalization Studies* / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 366–393.

- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer.
- Grinin L., Korotayev A. 2016.** MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration. *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region* / Ed. by M. M. Erdogdu, B. Christiansen. Hershey, PA: Information Science Reference. Pp. 28–58.
- Grinin L. E., Korotayev A. V., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery.* Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2019.** Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. *World System and World Values Perspectives.* N. p.: Springer.
- Ivanov E. 2022.** Revolutions in Kyrgyzstan. *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer (in print).
- Korotayev A., Shishkina A., Khokhlova A. 2022.** Global Echo of the Arab Spring. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_31.